

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАСПРЯ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»: ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ (43)¹

А. Л. Осповат

(Москва / Лос-Анджелес)

Речь пойдет о начальной фазе конфликта между Гриневым и Швабриным (глава IV). Ниже это место дается с разбивкой на микрофрагменты, нумерация которых соответствует порядку изложения материала.

[I] Я ужъ сказывалъ, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашняго времени, были изрядны, и Александръ Петровичъ Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалялъ. Однажды удалось мнѣ написать пѣсенку, которой былъ я доволенъ. [II] Извѣстно, что сочинители иногда, подъ видомъ требованія совѣтовъ, ищутъ благосклоннаго слушателя. И такъ, переписавъ мою пѣсенку, я понесъ ее къ Швабрину, который одинъ во всей крѣпости могъ оцѣнить произведеніе стихотворца. [III] Послѣ маленькаго предисловія, вынулъ я изъ кармана свою тетрадку и прочелъ ему слѣдующіе стихи:

[IV] Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть.
И ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю вольность получить!

¹ Предыдущую серию этих заметок см.: Осповат А. 2023: 209–236. Как и ранее, комментируемое место приводится по тексту журнальной публикации, которая увидела свет при жизни и под контролем автора (см.: Пушкин 1836: 42–215). Далее все цитаты из романа даются в соответствии с нормами современной орфографии, и они выделены курсивом.

Но глаза, что мя плѣнили,
Всемиутно предо мной;
Они духъ во мнѣ смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнавъ мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря меня въ сей лютой части,
И что я плѣненъ тобой.

<-> Какъ ты это находишь? – спросилъ я Швабрина, ожидая похвалы, какъ дани, мнѣ непремѣнно слѣдующей. Но къ великой моей досадѣ, Швабринъ, обыкновенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, что пѣсня моя нехороша.

<-> Почему такъ? – спросилъ я его, скрывая свою досаду.

«Потому» – отвѣчалъ онъ – «что такіе стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского и очень напоминаютъ мнѣ его любовные куплетцы<>».

[V] Тутъ онъ взялъ отъ меня тетрадку и началъ немилосерднѣе разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надо мной самымъ колкимъ образомъ. Я не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою тетрадку и сказалъ, что ужъ отроду не покажу ему своихъ сочиненій. Швабринъ посмѣялся и надъ этой угрозою. – «Посмотримъ<>» <-> сказалъ онъ – «сдержишь ли ты свое слово: стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузмичу графинчикъ водки передъ обѣдомъ. А кто эта Маша, передъ которой изъясняешься въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужъ не Марья ль Ивановна?»

– Не твое дѣло – отвѣчалъ я нахмуясь, – кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнѣнія, ни твоихъ догадокъ.

«Ого! Самолюбивый стихотворецъ и скромный любовникъ!» – продолжалъ Швабринъ, часъ отъ часу болѣе раздражая меня; – «но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь успѣть, то совѣтую дѣйствовать не пѣсенками».

Эта сцена долгое время оставалась без внимания, если не считать попутных замечаний: Гринев – «плохой поэт» (Бахтин 2012: 158), его *песенка* «звучит пародийно» (Шкловский 1955: 62) и входит в особый класс «стихов в образе» – «стихов, которые по ходу действия сочиняют герои произведений (обычно с целью произвести комический эффект)» (Марков 1960: 146). Дело сдвинулось после того, как было окончательно установлено, что три строфы Гринева являются обработкой анонимного романса из «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова 1770 года (см.: Карпов 1982: 140–142). В. Э. Вацуро, представив блестящий разбор *песенки* – образчика массовой стихотворной продукции той эпохи с характерным для нее обеднением лирического сюжета Сумарокова, – далее предложил истолковать всю сцену под знаком фундаментальной оппозиции двух персонажей романа: «носитель наивного, но этически полноценного начала» vs «иммориалист, “вольтерьянец” в том негативном качестве, которое подчеркивал Пушкин в тридцатые годы»:

[У] Гринева – неумелое, но искреннее литературное творчество и глубоко уважительное отношение к литературному мэтру – «Александру Петровичу Сумарокову»; у Швабрина – разрушительная критика, справедливая и литературно рафинированная, – но выросшая на почве эгоистических стремлений, и пренебрежительный скептицизм, распространяющийся, между прочим, и на его «учителя» – В. К. Тредиаковского (Вацуро 1986: 323).

Оставляя в стороне моральный облик дворянина *хорошей фамилии*, который *месяца два* до приезда Гринева в крепость формальным порядком *сватался* за дочь коменданта *глухой крепости, вышедшего в офицеры из солдатских детей* (что при благоприятном исходе повлекло бы радикальную перемену всего образа жизни), – зададимся пока лишь одним вопросом. Отчего же Швабрин, столь взыскательный литературный оценщик, называет Гринева подражателем Тредиаковского, а не эпигоном Сумарокова?

Впоследствии по поводу этой сцены было высказано несколько суждений. Так, Ирина Рейфман обратила внимание на

обнародованное в начале XIX века признание Державина в том, что законы поэзии он почерпнул из сочинений Тредиаковского; с учетом вероятного знакомства Пушкина с указанными источниками² и вводя Державина в круг прототипов романа (второе связующее звено – его участие в подавлении пугачевщины) автор статьи констатировала присутствие прямой проекции:

[W]hile Grinev's ability to write poetry makes him Derzhavin's colleague, an apprenticeship to Trediakovsky unites him, Shvabrin, and Derzhavin. <...> Shvabrin's connection to Trediakovsky can <...> be explained: when the initial character in *The Captain's Daughter*, who was partially modelled on Derzhavin, split in two in the novel's final version, his characteristics, including his apprenticeship to Trediakovsky, also split. Consequently, both antagonists became Trediakovsky's disciples. Significantly, Grinev is oblivious to his kinship with the wretched versifier, while Shvabrin, like Derzhavin, is fully aware both of the connection and of its negative implications (Reyffman 1994: 470).

Иначе смотрит на вещи Г. Г. Красухин:

Почему же Швабрин называет себя учеником Тредиаковского? Потому что иронизирует, дразнит «сумароковца» Гринева. А почему он сближает Петрушину песенку с любовными куплетцами Василия Кирилловича? Потому что Швабрин <...> знает, как враждебно относились друг к другу Тредиаковский и Сумароков, <...> знает поэтому, с каким изумленным негодованием воспринял бы представитель сумароковской школы сообщение о том, что его стихи могут кому-то напомнить стихи Тредиаковского (Красухин 2006: 55).

² Это фрагмент из «Нового опыта Исторического словаря о русских писателей» митрополита Евгения (см.: Друг просвещения. 1806. Ч. I. № 3) и державинское «Рассуждение о лирической поэзии, или об оде» (см.: Чтение в Беседе любителей русского слова. 1811. Кн. 2).

[I] Когда и где Сумарокову случилось *очень похвалить* сочинявшиеся Гриневым *изрядные опыты*? – Они могли встретиться только в Москве, где основал свое последнее жительство Сумароков и где на рубеже 1774–1775 годов появился Петр Андреевич, чтобы 10 января наблюдать за казнью Пугачева на Болотной площади. До смерти поэта оставалось менее трех лет.

Падение репутации Сумарокова в закатные его годы, омраченные пьянством, болезнью и неконтролируемым поведением³, безжалостно засвидетельствовал один из первых посмертных откликов:

Лежащего меня без чувств во гробе
Никто не восхотел в последний раз узреть⁴.

Даже местонахождение могилы Сумарокова долгое время считалось забытым – 23 августа 1830 года, после похорон Василия Львовича, Пушкину и Погодину пришлось искать ее на Донском кладбище (см.: Погодин 1974: 21). При таких обстоятельствах похвале престарелого мэтра, которой так гордится автор *семейственных записок*, приобщен некоторый оттенок сомнительности.

Впрочем, в любом своем состоянии Сумароков пришел бы в крайнее раздражение, если бы услышал от Гринева, что тот сочинил *песенку*, – в его ожесточенной полемике с Тредиаковским это слово служило одним из маркеров лингвостилистической позиции оппонента (см.: Гринберг, Успенский 2001: 34, 104, 106). Так, например, в известной Пушкину комедии «Тресотиниус» (1750) (см.: Сумароков 1787, V: 297–324; БП 1910. № 375: 101) заглавный герой, в лице которого осмеян Тредиаковский (см.: Гринберг, Успенский 2001: 26–44, 99–113), следующим образом навязывается к собеседнице: «Однако ж не поскучите ль послушать, а песенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами» (Сумароков 1787, V: 301). В русле нашей

³ Среди многого прочего см. письмо Екатерины II князю М. Н. Волконскому от 29 декабря 1772 года: Письма 1869: 110–111 – и позднейший рассказ Ивана Дмитриева, записанный его племянником: Дмитриев 1869: 20–21.

⁴ Цит. по: Берков 1962: 374. Об источнике и циркуляции этой легенды см.: Там же: 374–375.

темы показательна и короткая выдержка из перечня претензий, предъявленных Тредиаковскому в сумароковской «Эпистоле II» («Эпистоле о стихотворстве») (1748):

Ни рифм порядочных, ни меры стоп пристойной
Нет в песне скаредной при мысли недостойной.
Но что я говорю: при мысли? Да в такой
Изрядной песенке нет мысли никакой.

(Сумароков 1787, I: 346)

Итак, ключевые лексемы, использованные Гриневым в его позднейших самооценках: *Опыты мои <...> были изрядны; ...удалось мне написать песенку, которой был я доволен*, – непосредственно заимствованы из памфлетной характеристики стихов Тредиаковского, принадлежащей Сумарокову.

[II] Сообщение о том, что свою *песенку* Гринев *понес* Швабрину, дополнено пояснительным придаточным: *...который один во всей крепости мог оценить произведение стихотворца*. На внешний взгляд, здесь налицо нехарактерная для пушкинского стиля информационная избыточность (у читателя уже сложилось представление о культурном кругозоре всех обитателей крепости). Между тем такая фигурация привносит важный смысловой акцент: выясняется, что Швабрин не только держит у себя *несколько французских книг*, но и обладает компетенцией по части русского стихосложения. Откуда об этом стало известно Гриневу? – Очевидно, протагонист, недавно начавший *упражняться <...> в сочинении стихов*, имел случай коснуться сферы его занятий в *каждодневных беседах* со Швабриным, и тот выказал незаурядное знание предмета. Но откуда оно взялось? – не благодаря ли собственным поэтическим увлечениям разжалованного гвардейского офицера?

[III] Располагая найти в Швабрине *благосклонного слушателя*, Гринев приступает к делу с *маленького предисловия* (не для того ли, чтобы впервые объявить о своих стихотворных упражнениях?). В этот момент уже отмеченная проекция на эпизод из комедии Сумарокова получает еще одно текстуальное подтверждение: подобно Тресотиниусу, обращение которого к неблагосклонной Кларисе

сопровождает ремарка: «вынув песню из кармана» (Сумароков 1787, V: 301), Гринев тоже *вынул из кармана тетрадку* с переписанной *песенкой*.

Этим жестом завершается пролог обсуждаемой сцены, и, как видим, заданный режим повествования предусматривает динамическое соотношение двух планов. На поверхности – инициальная фраза, оформленная от лица пожилого и ответственного мемуариста, которая апробирует принадлежность юного стихотворца к сумароковской школе. В то же время внесенный в подтекст аллюзионный заряд перенаправляет смысловой вектор в противоположную от Сумарокова сторону – в сторону Тредиаковского, причем таким образом внедряется точка зрения *Александра Петровича*, личного и литературного врага *Василья Кирилыча*.

[IV] *Песенка* Гринева решительно не понравилась Швабрину, а его реакцию передает прямая речь, в которую вставлена биографическая деталь (это единственный случай в тексте романа): *такие стихи достойны учителя моего Василья Кирилыча Тредиаковского и очень напоминают мне его любовные куплеты*.

Возможно, Швабрин имеет в виду личные контакты с учителем, но прежде всего речь идет о навыках версификации, приобретенных при чтении стиховедческих трактатов Тредиаковского⁵. В этом своем качестве Швабрин – как и Гринев⁶ – действительно вызывает ассоциацию с Державиным, и, принимая точку зрения Ирины Рейфман, дополним перечень свидетельств, которые могли привлечь внимание Пушкина (см. примеч. 2), еще одной позицией. В книге «Ключ к сочинениям Державина», где выборочно пересказывалась ранняя редакция его «Записок» (без указания на источник),

⁵ Хотя в эпоху Екатерины II фигуру Тредиаковского плотно окружал негативный ореол (см.: Reyfman 1990), как раз в тот временной отрезок, к которому относится действие романа, появилось печатное признание его неоспоримой заслуги: «...первый в России сочинил правила нового русского стихосложения...»; «...первый открыл в России путь к словесным наукам; а паче к стихотворству» (Новиков 1772: 218–219).

⁶ Вкус к сочинению стихов на русском языке Гринев не мог обрести в Белогорской крепости, где отсутствовали необходимые к тому пособия. Приобщению литературным и умственным интересам, как и знанию французского языка, он был обязан родительскому дому и семейной библиотеке (см.: Осповат А. 2023: 210–214).

содержалась фраза: «Правила Поэзии почерпал из сочинений Тредиаковского, а в выражениях и слоге старался подражать Ломоносову...» (Остолопов 1822: 7; см.: БП 1910. № 274: 74).

Согласно общепринятому мнению, ввиду того, что Дарья Алексеевна Державина отклонила просьбу Пушкина ознакомиться с бумагами ее покойного мужа, он не читал полный и окончательный текст «Записок» (см.: Грот 1901: 118)⁷. Здесь процитированная фраза читалась иначе: «...стараясь научиться стихотворству из книги о поэзии, сочиненной г. Тредьяковским и из прочих авторов, как: гг. Ломоносова и Сумарокова» (Державин 1871: 443)⁸; как известно, под «книгой» автор «Записок» разумел двухтомные «Сочинения и переводы» (1752)⁹. Тем более любопытно, что в распоряжении Швабрина находился первый трактат Тредиаковского, уже потерявший актуальность для начинающих рифмачей 1760-х годов. Уничижающая коллокация *любовные куплеты* представляет собой двойную отсылку. Термин, который Тредиаковский впервые ввел в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов...»:

Предлагаю я здесь <...> в пример из двух моих песен <...> по одной первой строфе, которые у французов в песнях называются Couplets (Тредиаковский 1735: 25)¹⁰, –

был издевательски подхвачен в упоминавшейся комедии Сумарокова. Возгласив свою песенку и надеясь совершенно очаровать

⁷ Гипотезу, выдвинутую наперекор этому мнению, см.: Schwarzband 1994: 149–158.

⁸ По всей вероятности, Пушкин не располагал сведениями о том, что молодой Сумароков тоже был «последователем» и «энергичным энтузиастом» Тредиаковского (Берков 1936: 34). См. в злобном отзыве Ломоносова о Сумарокове (1760): «Génie créateur: стихосложение принял сперва развращенное от Третьякова <Тредиаковского. – А. О.>...» (Ломоносов 1955: 634).

⁹ См.: Алексеева 2009: 478; Осповат К. 2020: 101–102.

¹⁰ См. в его ранней стиховой композиции из двух частей («Объявление любви французской работы» и «Ответ на оное моего труда»): «Si sensible au caractere / De l'auteur de ses couplets»; «Quelque soit le caractere / De l'auteur de vos couplets» (Тредиаковский 1730: 176, 178). В этом значении калькированное слово «куплет» употреблено в переводе «Аргениды» (см.: Тредиаковский 1751: 626). Иное толкование см. во «Всеобщем писмословии»: «КУПЛЕТ или КАРМЕН у стихачей есть отдельная часть строфы <т. е. двустиише. – А. О.>» (Курганов 1769: 241).

Клариссу, Тресотиниус умоляет: «Хоть один куплет еще прочесть мне позволь» (Сумароков 1787, V: 302).

Таким образом, на поверхность выведена линия, ранее имплицированная в подтексте, – декларируя ориентацию Гринева на сочинителя первых *любовных куплетцев*, Швабрин буквально вторит тому же полемическому приему, который использовал Сумароков для дискредитации Тредиаковского. Между тем текст гриневской *песенки*, которая примитивизирует лирический сюжет Сумарокова – «борьба любовника со своей страстью» (см. выше), – не дает никаких оснований для этой проекции. Любовные «песни» и «песенки» Тредиаковского, опубликованные в приложении к книге «Езда в остров любви», написаны силлабическим стихом на лирический сюжет «стенания любовника»:

Красот умилна!
паче всех силна!
Уже склонивши,
уж победивши,

Изволь сотворить
Милость, мя любить:
люблю, драгая,
тя, сам весь тая.

(Тредиаковский 1730: 180)

Подобный сюжет, ничем не напоминающий *песенку* Гринева, развивают и два «куплета» из «Нового и краткого способа...», изложенные уже силлабо-тоническим стихом:

Сколь долго, Климена,
Тебе не любить?
Времен бо премена
Не знает годить.

(Тредиаковский 1735: 26)

Грубая передержка, допущенная отнюдь не *благосклонным слушателем*, камуфлирует довольно изощренную уловку: стихи,

принесенные Швабрину, отсылают не к *любовным куплетцам* Тредиаковского, но к сочиненной Сумароковым пародии на эти *куплеты*. Ср. «песню» Тресотиниуса, в которой двустопный амфибрахий Тредиаковского переведен в неравностоппный хорей, и *песенку* Гринева, написанную четырехстоппным хореем:

Красоту на вашу смотря, распалился я, ей-ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твою меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелю сшибла с ног.

<...>

Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить ся не губя.

(Сумароков 1787, V: 301–302)

Мысль любовну истребляя,
Тяжусь прекрасную забыть.
И ах, Машу избегая,
Мышлю вольность получить!

<...>

Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой¹¹.

Эта подмена возвращает стихи Гринева в семантическую традицию Сумарокова.

[V] В следующем эпизоде, отпустив *самые колкие* издевки над *песенкой*, Швабрин провоцирует новый виток конфронтации

¹¹ Отметим стилизацию под Тредиаковского в третьем стихе: *И ах, Машу избегая* (ср. в тексте анонимного романа, послужившего источником: «И от взоров убегая». – Карпов 1982: 140). См.: «Особенно пленяло Тредиаковского свободное место междометия в латинской фразе. В результате “ах” или “о” стоят у него (сотни раз) там, где меньше всего ожидаешь восклицательного перерыва фразы» (Пумпянский 1939: 70).

вопросом: *А кто эта Маша <...>? Уж не Марья ли Ивановна?* Отказ Гринева пускаться в какие-либо объяснения повлек за собой переход на личности: *Самолюбивый стихотворец и скромный любовник!*

Обе аттестации, соположенные в реплике Швабрина, суть цитаты. Первая, как указал В. Э. Вацуро, воспроизводит название некогда скандальной комедии Н. П. Николева (1775; опубликована в 1787 году), которая в памфлетном виде изображала Сумарокова. По мнению исследователя, Пушкин вряд ли был знаком с текстом самой комедии, но он, скорее всего, помнил ее заглавную формулу, послужившую «основой большинства анекдотов о Сумарокове» (Вацуро 1986: 320). Существенно, однако, что в т. н. пушкинскую эпоху эта формула активно использовалась и как обобщающая дефиниция всего сословия стихотворцев (издатель «Северной пчелы» назначал «всем знакомым <...> Поэтам» по экземпляру комедии «Самолюбивый стихотворец». – Фаддеев [Булгарин] 1825: <4>; то же: Булгарин 1830: 53), и для характеристики вполне конкретного типажа:

С каким человеком всего несноснее жить?

С самолюбивым стихотворцем. – За грехи мои послал мне Бог товарища – *стихотворца*, и какого же? – Самого неугомонного! Взглянуть не на кого: едва дышит, а все пишет. Но это еще не беда.

Пускай бы только он писал,

А то стихами он всем уши прожужжал!

Беспрестанно читает вслух свои стихи, даже во сне ими бредит (Измайлов 1818: 121).

Образ рифмача, одержимого манией «стихобесия» (см.: Мазур 2009: 152–160), введен в ассоциативное поле романа вместе с фигурой, которая, хотя и принадлежит другому толку, усваивает те же черты незадачливого сочинителя. Номинация *скромный любовник*, примененная к Гриневу, подключает мотив из главы IV «Евгения Онегина» (XXXIV):

И впрям, блажен любовник скромный,
Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной!
Блажен... хоть, может быть, она
Совсем иным развлечена.

(Пушкин 1937–1959, VI: 88)

Но разве сам Швабрин не примерял на себя роль *скромного любовника*? Его цинические наставления (в том числе и не вошедшие в комментируемый фрагмент):

[Н]о послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками; <...> [Е]жели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег; <...> [З]наю по опыту ее нрав и обычай, –

отзываются унижению лирического стихотворца, чьи «песни и любовь» были отвергнуты до и/или во время сватовства девицей Мироновой. И парадоксальным образом его оскорбительный совет возымел действие: в тексте романа отсутствуют какие-либо намеки на то, что Гринев показывал капитанской дочке адресованные ей стихи, хотя в забракованном варианте беловой рукописи *песенка* переписывалась не для Швабрина – «для Марьи Ивановны» (Пушкин 1937–1959, VIII, 2: 870).

Итак, соперничество персонажей на поприще стихотворства сложным образом соотносится с литературной враждой Сумарокова и Тредиаковского. Никаких иных упоминаний об этой полемике Пушкин не оставил, но нам известны его разрозненные и нарочито заостренные суждения о русской поэзии XVIII века, которые были высказаны в незавершенном сочинении «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835). Отказывая в истинном даровании и Ломоносову («Оды его <...> утомительны и надуты»), и его подражателю Сумарокову («...во всех родах оставил примеры, но

они столь маловажны...»), а Тредиаковскому присуждая первенство по ученой части («Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков») (Пушкин 1937–1959, XI: 249, 261, 253), – автор делает предельно категоричный вывод:

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимый возовик Тредиаковский немало к тому способствовал своею Телемахидою. Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно <...>. <...> Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. <...> Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху (Там же: 262–263).

«Путешествие из Москвы в Петербург» было в работе одновременно с «Капитанской дочкой», и представляется, что точка зрения несостоявшегося реформатора системы русского стихосложения устанавливает латентный фокус нашей сцены. Ссора двух персонажей приводит к тому, что песенка Гринева утрачивает свою литературную идентификацию. Миграция этих трех строф в противоположных направлениях, – из семантического поля Сумарокова в семантическое поле Тредиаковского и обратно, – в равной степени субверсирует потенциал обеих поэтических школ, как и всего рифменного наследия XVIII века.

СОКРАЩЕНИЯ

БП 1910. – Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание) <...>. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1910.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Н. Ю. 2009. «Сочинения и переводы как стихами, так и прозой» в творчестве В. К. Тредиаковского. – Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой / Изд. подготовила Н. Ю. Алексеева. СПб.: «Наука». С. 446–480.
- Бахтин М. М. 2012. Слово в романе: К вопросам стилистики романа. – Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7-ми тт. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур. С. 9–179.

- Берков П. Н. 1936. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Берков П. Н. 1962. Несколько справок для биографии А. П. Сумарокова. – XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Издательство АН СССР. С. 364–375.
- Булгарин Ф. 1830. Сочинения Фаддея Булгарина / Изд. 2-е, исправленное. Ч. IX. СПб.: В Типографии Александра Смирдина.
- Вацуро В. Э. 1986. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина. – Пушкин: Исследования и материалы. Т. XII. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 305–323.
- Гринберг М. С., Успенский Б. А. 2001. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов. М.: РГГУ.
- Грот Я. К. 1901. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов. – Труды Я. К. Грота <а>. Т. III: Очерки из истории русской литературы (1848–1893). Биографии, характеристики и критико-библиографические заметки. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения. С. 117–124 (2-я пагинация).
- Державин Г. Р. 1871. Записки <...>, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. – Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VI: Переписка (1794–1816) и «Записки». СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук. С. 413–829.
- Дмитриев М. А. 1869. Мелочи из запаса моей памяти. 2-м тиснением <...>. М.: Типография Грачева и Комп.
- [Измайлов А.] 1818. Ответы на вопросы, предложенные в 3-й книжке Благонамеренного. – Благонамеренный. Ч. 3. № VII. С. 121–123.
- Карпов А. А. 1982. Об источнике стихотворения Гринева. – Временник Пушкинской комиссии: 1979. Л.: «Наука». Ленинградское отделение. С. 140–142.
- Красухин Г. Г. 2006. Путеводитель по роману А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета.
- [Курганов Н. Г.] 1769. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие <...>. СПб.: [Типография Морского кадетского корпуса].
- Ломоносов М. В. 1955. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 9: Служебные документы 1742–1765 гг. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Мазур Н. Н. 2009. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: Полемические функции. – Пушкин и его современники: Сборник научных трудов. Вып. 5 (44). СПб.: «Нестор-История». С. 141–208.

- Марков В. 1960. Стихи русских прозаиков. – Воздушные пути: Альманах. [Вып. I]. Нью Йорк: Printed by Rausen Bros. С. 135–178.
- Новиков Н. 1772. Опыт исторического словаря о российских писателях <...>. СПб.: [Типография Императорской Академии Наук].
- Осват А. 2023. Из материалов для комментария к «Капитанской дочке» (26–42). – *Slavica Revalensia*. Vol. X. С. 209–236.
- Осват К. 2020. Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение.
- [Остолопов Н.] 1822. Ключ к сочинениям Державина, с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта. СПб.: В Типографии Ив. Глазунова.
- Письма 1869. Письма государыни императрицы Екатерины II-й к князю Михаилу Никитичу Волконскому. – Оснадцатый век: Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. Кн. I. М.: Типография Грачева и Комп. С. 79–184.
- Погодин М. П. 1974. Из «Дневника». – А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2. М.: «Художественная литература». С. 9–26.
- Пумпянский Л. В. 1939. Кантемир. Тредиаковский. – Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР. С. 46–81.
- [Пушкин А.] 1836. Капитанская дочка. – Современник. Т. IV. С. 42–215.
- Пушкин А. С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. [М.; Л.]: Издательство АН СССР.
- Сумароков А. П. 1787. Полн. собр. всех сочинений, в стихах и прозе <...>. Ч. I–X. Изд. 2-е. М.: В Университетской Типографии у Н. Новикова.
- Тредиаковский 1730. Езда в остров любви / Переведена с французского на русский чрез студента Василья Тредиаковского <...>. [СПб.: В Типографии Императорской Академии Наук].
- Тредиаковский В. 1735. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. СПб.: Печатано <...> при Императорской Академии Наук.
- Тредиаковский В. 1751. Аргенида: Повесть героическая, сочиненная Иоанном Барклаием, а с латинского на славено-русский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского <...>. Т. II. СПб.: При Императорской Академии Наук.

- Фаддеев А. [Булгарин Ф.] 1825. Подарки в Новый год (Письмо к Издателю). – Северная пчела. № 6. 13 января. [С. 4].
- Шкловский В. 1955. Заметки о прозе русских классиков. Изд. 2-е. М.: Советский писатель.
- Reyffman, I. 1990. Vasilii Trediakovsky: The Fool of the “New” Russian Literature. Stanford: Stanford University Press.
- Reyffman, I. 1994. Poetic Justice and Injustice: Autobiographical Echoes in Pushkin’s *The Captain’s Daughter*. – Slavic and East European Journal. Vol. 38. № 3. P. 463–478.
- Schwarzband, S. 1994. *Les Carnets de Derjavine et La Fille du capitaine de Pouchkine*. – Derjavine : Un poète russe dans l’Europe des Lumières. Sous la direction d’Anita Davidenkoff. Paris : Institut d’Études slaves. P. 149–158.

REFERENCES

- Alekseeva, N. Iu. “Sochineniia i perevody kak stikhami, tak i prozoiu’ v tvorchestve V. K. Trediakovskogo.” In *Sochineniia i perevody kak stikhami, tak i prozoiu*, by V. K. Trediakovskii. Edited by N. Iu. Alekseeva, 446–80. Saint Petersburg: Nauka, 2009.
- Bakhtin, M. M. “Slovo v romane: K voprosam stilistiki romana.” In *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 3, *Teoriia romana (1930–1961 gg.)*, 9–179. Moscow: Iazyki slavianskikh kul’tur, 2012.
- Berkov, P. N. *Lomonosov i literaturnaia polemika ego vremeni: 1750–1765*. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR, 1936.
- . “Neskol’ko spravok dlia biografii A. P. Sumarokova.” In *XVIII vek*. Vol. 5, 364–75. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR, 1962.
- Bulgarin, F. *Sochineniia Faddeia Bulgarina*. 2nd rev. ed. Vol. 9. Saint Petersburg: V Tipografii Aleksandra Smirdina, 1830.
- Catherine II and M. N. Volkonsky. “Pis’mo gosudaryni imperatritsy Ekateriny II-i k kniazuiu Mikhailu Nikitichu Volkonskomu.” In *Osmnadsatyi vek: Istoricheskii sbornik, izdavaemyi Petrom Bartenevym*. Vol. 1, 79–184. Moscow: Tipografiia Gracheva i Komp., 1869.
- Derzhavin, G. R. “Zapiski [...], zakliuchaiushchie v sebe zhizn’ Gavrily Romanovicha Derzhavina.” In *Sochineniia Derzhavina*. Vol. 6, *Perepiska (1794–1816) i “Zapiski.”* Edited and annotated by Ia. Grot, 413–829. Saint Petersburg: V Tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk, 1871.
- Dmitriev, M. A. *Melochi iz zapasa moei pamiati*. 2nd rev. and exp. ed. Moscow: Tipografiia Gracheva i Komp., 1869.

- Faddeev, A. [F. Bulgarin, pseud.] "Podarki v Novyi god (Pis'mo k Izdateliu)." *Severnaia pchela*. January 13, 1825.
- Grinberg, M. S. and B. A. Uspenskii. *Literaturnaia voina Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh – nachale 1750-kh godov*. Moscow: RGGU, 2001.
- Grot, Ia. K. "Prigotovitel'nye zaniatiia Pushkina dlia istoricheskikh trudov." In *Trudy Ia. K. Grot[a]*. Vol. 3, *Ocherki iz istorii russkoi literatury (1848–1893): Biografii, kharakteristiki i kritiko-bibliograficheskie zametki*, 117–24 (2nd pag.). Saint Petersburg: Tipografiia Ministerstva Putei Soobshcheniia, 1901.
- [Izmailov, A.] "Otvety na voprosy, predlozhennye v 3 knizhke Blagonamerennogo." *Blagonamerennyi* 3, no. 7 (1818): 121–23.
- Karpov, A. A. "Ob istochnike stikhotvoreniia Grineva." In *Vremennik Pushkinskoi komissii: 1979*, 140–42. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1982.
- Krasukhin, G. G. *Putevoditel' po romanu A. S. Pushkina "Kapitanskaia dochka": Uchebnoe posobie*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2006.
- [Kurganov, N. G.] *Rossiiskaia universal'naia grammatika, ili Vseobshchee pismo-slovie* [...]. Saint Petersburg: [Tipografiia Morskogo Kadetskogo Korpusa], 1769.
- Lomonosov, M. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 9, *Sluzhebnye dokumenty 1742–1765 gg*. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955.
- Markov, V. "Stikhi russkikh prozaikov." In *Vozdushnye puti: Al'manakh*. Vol. 1, 135–78. New York: Printed by Rausen Bros, 1960.
- Mazur, N. N. "Maska neistovogo stikhotvortsia v 'Evgenii Onegin': polemicheskie funktsii." In *Pushkin i ego sovremenniki: Sbornik nauchnykh trudov*. Vol. 5 (44), 141–208. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009.
- Novikov, N. *Opyt istoricheskogo slovaria o rossiiskikh pisateliakh* [...]. Saint Petersburg: [Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk], 1772.
- Ospovat, A. "Iz materialov dlia kommentariia k 'Kapitanskoi dochke' (26–42)." *Slavica Revalensia* 10 (2023): 209–36.
- Ospovat, K. *Pridvornaia slovesnost': Institut literatury i konstruktsii absoliutizma v Rossii serediny 18 veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- [Ostolopov, N.] *Kliuch k sochineniiam Derzhavina, s kratkim opisaniem zhizni sego znamenitogo poeta*. Saint Petersburg: V Tipografii Iv. Glazunova, 1822.
- Pogodin, M. P. "Iz 'Dnevnika'." In *A. S. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov*. 2 vols. Vol. 2, 9–26. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1974.

- Pumpianskii, L. V. "Kantemir. Trediakovskii." In *Russkaia literatura 18 veka: Uchebnik dlia vysshikh uchebnykh zavedenii*, by G. A. Gukovskii, 46–81. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narodnogo komprosa RSFSR, 1939.
- [Pushkin, A.] "Kapitanskaia dochka." *Sovremennik* 4 (1836): 42–215.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 17 vols. [Moscow and Leningrad]: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959.
- Reyffman, I. *Vasilii Trediakovsky: The Fool of the "New" Russian Literature*. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- . "Poetic Justice and Injustice: Autobiographical Echoes in Pushkin's *The Captain's Daughter*." *Slavic and East European Journal* 38, no. 3 (1994): 463–78.
- Schwarzband, S. "Les Carnets de Derjavine et *La Fille du capitaine* de Pouchkine." In *Derjavine: Un poète russe dans l'Europe des Lumières*. Edited by Anita Davidenkoff, 149–58. Paris: Institut d'études slaves, 1994.
- Shklovskii, V. *Zametki o proze russkikh klassikov*. 2nd ed. Moscow: Sovetskii pisatel', 1955.
- Sumarokov, A. P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii, v stikhakh i proze* [...]. 2nd ed. Vols. 1–10. Moscow: V Universitetskoi Tipografii u N. Novikova, 1787.
- Trediakovskii, V. *Ezda v ostrov liubvi*. Translated from the French by [...] Vasilii Trediakovskii [...]. [Saint Petersburg: V Tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk], 1730.
- . *Novyi i kratkii sposob k slozheniiu rossiiskikh stikhov s opredeleniiami do sego nadležhashchikh zvanii*. Saint Petersburg: Pечатано [...] pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1735.
- . *Argenida: Povest' geroicheskaia*, by John Barclay. Translated from the Latin and annotated by Vasilii Trediakovskii [...]. Vol. 2. Saint Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1751.
- Vatsuro, V. E. "Iz istoriko-literaturnogo kommentariia k stikhotvoreniiam Pushkina." In *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Vol. 12, 305–23. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1986.